

шорфа

В.П.Любин

ДИЛЕММА РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo Vadis? –
М.: Институт социологии РАН, 2003. – 274 с.

После пятнадцатилетнего реформирования Россия все еще не преодолела точки бифуркации. На актуальные вопросы: «как характеризовать нынешнее общество, его политическую надстройку», «куда движется страна» дается множество ответов, ни один из которых специалистами-обществоведами не признается удовлетворительным. Разнобой в интерпретациях возникает уже в оценке нынешнего режима. «Плебисцитарная демократия», «режим контролируемого плюрализма», «всенародно избранный авторитарный тупик» – это лишь немногие из определений, даваемых отечественными политологами¹.

¹ Термин «плебисцитарная демократия» принадлежит авторам рецензируемой книги – А.А.Галкину и Ю.А.Красину, обоснования других приведенных определений см.: Орлов Б.С. Всенародно избранный авторитарный тупик // Независимая газета, 17.02.2004. – С. 10; Лапина Н.Ю. Режим контролируемого плюрализма // Независимая газета, 16.03.2004. – С. 11.

Общепризнанно, что Россия прошла через штормовой период радикальной трансформации во всех сферах жизни, в том числе и в политической сфере. Политическая трансформация общества не шла по продуманному сценарию, а была полна импровизаций. Процесс оставлял впечатление стихийности и неуправляемости. По мнению российских обществоведов, нынешние попытки власти консолидировать общество лишь еще более выявляют «разнонаправленность реально сложившихся социальных практик “верхов” и “низов” общества»².

Вместе с тем «форсированная бюрократизация демократии может привести к ее падению без всяких мятежей и бунтов. И решающую роль здесь сыграет чиновничья номенклатура», – отмечает один из зачинателей «перестройки» А.Н.Яковлев. По его мнению, в стране существует диктатура накрепко связанных чиновничества и воровского бизнеса, против которых граждане должны начать настоящую освободительную борьбу. «Во всех странах каждое новое поколение политиков поет собственные песни власти – о свободе и рабстве, демократии и авторитаризме, о прошлом и будущем. Так происходит сегодня и в России. По молодости и неопытности наши новые политики еще не избавились от эйфории, их тянет к авторитарным, то есть упрощенным и сокращенным методам управления. Но думаю, что жизнь поправит возможные вывихи, уже поправляет», – заключает автор книги-исповеди «Сумерки»³.

² Никовская Л.И. Трансформация в контексте социального конфликта. Ч. 2. М., 2003. – С. 5, 299.

³ Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. – С. 677–678.

Анализу этих и многих других волнующих российское общество вопросов посвящено новое исследование известных российских по-

литологов А.А.Галкина и Ю.А.Красина. На основе взвешенного исследовательского анализа авторы дают развернутую, научно-объективную картину современной России и путей ее возможного развития. По их мнению, страна вступила в новое тысячелетие, не выйдя из глубокого системного кризиса, она мучительно самоопределяется по отношению к новым реалиям в мире и в собственном развитии. Начавшиеся в середине 80-х гг. перемены дали мощный импульс масштабным сдвигам. Стремление удержать этот процесс в русле эволюционной смены ориентиров не воплотилось в реальность. Радикально-либеральный курс 90-х гг. придал запущенным процессам разрушительный характер, ввергший общество в состояние, близкое к хаосу. Скороспелые стандарты, по большей части заимствованные из чужого опыта, не выдержали испытания при соприкосновении с российской действительностью.

На столь зыбкой почве общество не может держаться слишком долго. Либо происходит распад, либо формируется новая основа существования. Социально-политическое самоопределение российского общества в современном мире – это вопрос его выживания. Предстоит определиться по коренным вопросам: каковы национальные интересы, какой общественный строй и какая форма власти им соответствуют, какая экономическая система обеспечит процветание страны, какими должны быть место и роль России в глобализирующемся мировом сообществе. Российское общество меняется, причем очень быстро. За несколько лет трансформировались и сама Россия, и ее положение в мире. Общество вступило в полосу критической переоценки наследия 90-х гг. Многие прежние иллюзии развеяны и на повестку дня вышли иные вопросы.

Куда идет российское общество, какой путь будет им избран? Ответ на этот вопрос, вставший на переломе веков определит судьбу не только нынешнего, но и грядущих поколений. Отсюда поистине историческая ответственность за сегодняшний выбор, выпавшая на долю нынешних политических лидеров, а в конечном счете, и на всех российских граждан. Дабы оттенить философско-исторический смысл этого выбора авторы ввели в название книги крылатое библейское изречение – «quo vadis?». Второе значение слова «quo» – не только «куда», но и «как далеко». Как далеко готовы россияне идти по пути реформ и демократии?

Наметившиеся к началу XXI столетия тенденции политического развития российского общества, как, впрочем, и всего человечества, не сулят радужных перспектив, считают авторы книги. Но алармистские настроения и мрачные прогнозы вряд ли оправданны. Масштаб происходящих перемен столь велик, что для их адекватной оценки прошло слишком мало времени. Россия – в начале пути. О возможных вариантах этого пути и идет речь в трех разделах книги: «Наследие», «Альтернативы», «Перспективы».

Сопоставляя состояние страны во второй половине 80-х гг. «финансового, хозяйственного и политического краха в конце 90-х гг.» А.А.Галкин и Ю.А.Красин подчеркивают, что даже не будучи завершенной, «горбачевская перестройка» заложила фундамент и стала началом демократической реформации российского общества» (с. 11). Она дала столь существенные результаты, что их не смогли свести на нет разрушительные последствия последующего эксперимента 90-х гг.

Специфика новой правящей элиты, большинство представителей которой происходили из старой номенклатуры, предопределила воспроизводство прежних стереотипов поведения. Среди получивших преобладание корпоративных интересов были заметны и специфические интересы мафиозных экономических групп. Основными направлениями внутренней и внешней политики новой правящей элиты стали ускоренный демонтаж государственного сектора экономики и перевод ее на рельсы рыночного хозяйства на основе наиболее радикальных западных моделей монетаристского финансового регулирования. Предполагалось сформировать массовый средний класс собственников, который обеспечил бы социальную базу нового социально-экономического курса. Намечалось безоговорочное включение автаркически организованного народного хозяйства во всеобщую систему все более глобализирующихся мирохозяйственных связей. Существенную роль играли и эгоистические соображения. В ходе массового передела госсобственности реализовывались возможности быстрого обогащения групп, причастных к власти. Конституционно закрепленные демократические процедуры выхолащивались бюрократическими ограничителями, возрождавшими традиции номенклатурного самовластия при сохранении внешнего демократического декорума.

Действия взошедшей на вершину власти элиты, если оценить их объективно, независимо от стремления части ее добиться позитивных для общества сдвигов, повлекли за собой разрушительные последствия. Была сломлена вертикаль государственной власти, начался разгул сепаратизма, приведший сначала к развалу Советского Союза, а затем к прогрессирующей дезинтеграции самой России. Отношения между центральной властью и регионами стали предметом политического торга. В результате сложилась зыбкая система отношений между центром и регионами, региональными лидерами. Под Федерацию была подведена мина замедленного действия.

Доведенный до абсурда антиэтатизм обернулся дезиндустриализацией страны. Вместо идиллической картины процветающей рыночной экономики и зажиточного среднего класса, российские граждане узрели картину расхищения группой супер-богачей-олигархов и прослойкой государственной бюрократии государственного имущества, созданного трудом многих поколений. Экономическая и финансовая система оказались подорваны. Объем ВВП сократился в 90-е годы по-

чти в два раза. Его размер на душу населения был к концу XX века в пять раз ниже среднего показателя стран «большой семерки». По его совокупному размеру Россия уступает ныне США в 10 раз, Китаю – в 5 раз. Социальные последствия были не менее удручающими. Снижение жизненного уровня сочеталось с резкой социальной поляризацией. Произошло беспрецедентное для России распространение бедности. По уровню ожидаемой продолжительности жизни страна опустилась до уровня слаборазвитых стран Азии и Африки. Был нанесен большой ущерб системе бесплатного здравоохранения и всеобщего образования. Население страны стало сокращаться.

Резкое ухудшение условий существования породило моральную деградацию российского общества, криминализация заразила все слои – от правящей элиты до социальных низов. Перед лицом дикого рынка и бездушной бюрократии индивид оказался одиноким и беззащитным. Гражданин лишился четко очерченной идентификационной среды и ясных ориентиров, необходимых для определения своего места в обществе. Размытость базовых социально-групповых интересов привела к тому, что на первый план вышли узкопартийные интересы олигархических и клановых групп. Кристаллизация этих интересов тормозит и деформирует весь процесс становления нормальных общественных отношений (с. 30). Данную деформацию авторы анализируют в последующих главах раздела «Наследие», оценивая метаморфозы общественного сознания и политические предпочтения в зеркале электоральной статистики.

Поставив неутешительный диагноз состоянию российского общества, в следующем разделе книги – «Альтернативы» А.А.Галкин и Ю.А.Красин рассматривают упущенные и имеющиеся альтернативы развития. Авторы призывают переосмыслить богатый идейный багаж современной социальной теории. Их внимание концентрируется при этом на следующих направлениях: сравнение гражданского общества в мире и России, проблемы и опасности корпоративизма, демократия перед вызовами глобализации, публичная сфера как ключевое звено демократизации общества, вызовы и перспективы демократии в России, объективные предпосылки авторитаризма и потенциальные последствия авторитарного отката, шансы противостояния сползанию к авторитаризму. Говоря об опасности авторитаризма, авторы подчеркивают, что «реформы, преподносившиеся как средство освобождения от тоталитаризма и воплощение демократии, не только не оправдали романтизированные и мифологизированные ожидания, но и вступили в острое противоречие с глубоко укоренившимися социально-психологическими стереотипами поведения и мышления, порождая растерянность и разочарование» (с. 214).

Политические предпосылки авторитаризма возникли вследствие слабости российской демократии и специфики оказавшихся у власти элитных групп. Не сыграли ожидаемой роли и средства массовой информации, часть из них попала под чиновничий контроль, другая

была куплена денежными мешками и встала на защиту их узкокорыстных интересов. Телевидение стало использоваться властью в качестве орудия манипулирования общественным сознанием. А политическая наука «оказалась низведенной до уровня имиджмейкерства» (с. 215). В созданной новой системе власти вновь всплыли пороки прежнего времени: бюрократизация, поспание законов, субъективный произвол, привилегии, клиентелизм, взяточничество, коррупция. Большинство выходцев из рядов прежней номенклатуры воспринимала демократические лозунги лишь как вынужденный ритуал. Обращение же к авторитарным методам, особенно при общем падении уровня управляемости, соответствует их внутренним убеждениям и стереотипам поведения. Авторитарная болезнь, поразившая Россию, не исключение из правила, это черта всех обществ, переживающих трансформацию, справедливо замечают авторы. «Особенность России лишь в том, что болезнь протекает здесь особенно тяжело и поэтому сопряжена с серьезными осложнениями» (с. 218).

Сопоставляя возможные сценарии политического развития России, исследователи предполагают, что наиболее вероятный из них – установление умеренной авторитарной власти. К этому варианту подталкивают многие обстоятельства: необходимая мобилизация ресурсов во имя спасения страны путем энергичной и твердой политики в конституционных рамках, готовность к такому повороту уставшего от неразберихи и произвола власти общества, тенденция к консолидации элиты, ущемление интересов России на международной арене. Авторы книги не являются сторонниками подобного развития, но «будучи исследователями, они стоят перед необходимостью констатировать реальное положение вещей» (с. 236).

Вместе с тем в заключительной части раздела перечисляются «шансы противостояния авторитаризму»: складывание влиятельной общественно-политической коалиции – барьера на пути авторитаризма, организация морального гражданского движения за нравственное оздоровление политики. Предпосылки этого имеются в российском обществе, такое антиавторитарное движение могло бы строиться на гуманистической основе, идеологии, охватывающей зону пересечения социал-либерализма и социал-демократизма. Необходим широкий общенациональный идейно-политический дискурс общественных сил разных направлений. Сам по себе такой дискуссионный процесс создал бы атмосферу толерантности и неприятия авторитарного стиля поведения, мог бы послужить целям преодоления конфронтационности политической культуры и внедрения культуры согласия как необходимого атрибута демократии (с. 242–243). Анализ специфических черт российской политической культуры так или иначе проводится в разных разделах исследования. Тем не менее, из-за разбросанности данных замечаний читателю трудно уловить, какова общая оценка авторами самого этого феномена и перспектив его развития. В переиздании книги (можно не сомневаться, что через год-другой она бу-

дет переиздана) хотелось бы видеть отдельную, посвященную этому главу.

Нелегко разобраться в мозаике факторов, определяющих будущее развитие России, говорится в заключительном разделе «Перспективы». Это и культурное наследие прошлого, и динамика экономического развития страны и ее населения, изменение конфигурации общественно-политических сил, состояние гражданской активности и политической культуры элиты, развитие мирового сообщества и глубокие цивилизационные сдвиги. Каждый из них может стать решающим, закрыть одно или предельно сузить направление другого выбора, создать новые, непредвиденные проблемы.

Авторы анализируют итоги развития политических событий в России рубежа XX и XXI веков, когда на смену президенту Б.Н.Ельцину в 2000 г. пришел президент В.В.Путин. Массовая база поддержки Путина лишена внутреннего единства, отмечают исследователи. Но уже к концу 2001 г. определились основные направления, позволяющие идентифицировать принятый им курс: готовность к решительным действиям против попыток сепаратистских сил подорвать территориальную целостность страны, твердость в защите внешнеполитических интересов России, курс на восстановление вертикали власти и повышение управляемости, действия по стабилизации политической системы. Но означают ли путинские реформы, что Россия вступила в полосу устойчивого политического развития? - ставят вопрос авторы. И тут же отвечают: несомненно достигнута верхушечная стабилизация, но она не затрагивает «низы», поэтому ее вряд ли можно считать достаточно прочной.

Подводя итоги исследования в разделе «Вместо эпилога», авторы приходят к следующим выводам. Однозначный ответ на вопрос, в каком направлении будет развиваться российское общество, пока что невозможен. Эволюция столь сложного и противоречивого феномена не может быть простой и прямолинейной. Тем более, что происходит она как нераздельная часть общего эпохального процесса самоопределения человеческого сообщества в глобализирующемся мире. Можно лишь констатировать, что будущее страны неоднозначно, вариативно и зависит от множества факторов и обстоятельств. Политика, проводимая на протяжении 90-х гг., пришла в противоречие с потребностями поступательного развития России. Ее разрушительный порыв посягнул на два важнейших основания российской политической жизни, в которых сконцентрирована национально-историческая специфика страны.

Во-первых, это ткань коллективистских общественных отношений, истоки которых уходят в глубины веков. Коллективистская традиция вошла в плоть и кровь российского общества, стала основой мощных общественных тенденций и устремлений. Вместо того, чтобы адаптировать традицию к потребностям поступательного развития, команда, пришедшая к власти в 90-е гг., попыталась ее искоренить.

Нить исторической преемственности была грубо разорвана. В результате общество раскололось, потеряло ориентиры и впало в состояние, благоприятное для роста авторитарных настроений.

Во-вторых, это российская государственность, исторически выполнявшая роль своего рода обруча, который скреплял воедино социокультурное многообразие обширных территорий огромной страны. Ослабление государства оставило Россию беззащитной, поставив под угрозу ее независимость и национальную безопасность. Без общенациональной государственности России не встать на путь эффективного поступательного развития. Не может в ней быть и стабильной действенной демократии.

Нежелание считаться с традиционными основаниями российской политической жизни уже нанесло стране тяжелый урон. В случае продолжения такой линии последствия могут оказаться еще более разрушительными.

Прорыв перестройки и начавшийся с этого момента отсчет времени экономической и политической трансформации свидетельствуют о том, что в широком историческом плане в России назрела острая потребность в переменах и в демократии. Но эта потребность не может быть реализована в одночасье. Общество будет трансформироваться, скорее всего, по своеобразной модели «пульсирующего» развития, в котором реформаторские порывы будут чередоваться с паузами, отступлениями и даже рецидивами прошлого.

На нынешнем этапе российской реформации нити драматической истории России сошлись на личности президента. С ним связывают определенные надежды. Но судьбы страны и ее народа не могут постоянно зависеть от интеллекта и воли одного человека, тем более еще не сделавшего окончательный выбор. Поэтому перспектива следующей фазы истории России пока в тумане. Вопрос «*Quo vadis?*» применительно к России, поставленный в заголовке книги, остается без ответа. Хотелось бы верить, что у нее есть возможность выбрать дорогу демократического возрождения российского общества и сохранить верность этой цели, чтобы не было стыдно за еще одну упущенную возможность (с. 273–274).